

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-11-30>
УДК 343.163.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ КИБЕРБУЛЛИНГА

Руденко А.В., Чич Ю.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Актуальность данной тематики вызвана учащением преступлений в цифровой среде. Вместе с тем, важно отметить, что наука криминалистика и правоприменительная практика нуждаются в выработке методик по расследуемому виду дел.

Цель. Предпринята попытка изучить личность жертвы кибербуллинга как элемента криминалистической характеристики травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей с целью производства эффективного расследования. В статье рассмотрены структурные элементы личности жертвы кибербуллинга, предпосылки к формированию жертвенного поведения, которые в последующем могут иметь отношение к криминалистической характеристике потерпевшего от преступления лица.

Производство следственных действий имеет под собой процессуальные и криминалистические основания при поиске преступников и жертв кибербуллинга, следовательно, гибкость и/или поведенческая противоположность затрудняет процесс установления обстоятельств преступного события. В то время как проявление альтернативной идентичности в реальной жизни часто рассматривается как предмет психиатрического интереса, в виртуальной среде это считается нормой и не указывает на психическое расстройство.

Ключевые слова: личность преступника, преступное поведение, структура личности жертвы, кибербуллинг, цифровые средства коммуникации, буллинг, кибержертва, виртуальная личность.

CHARACTERISTICS OF A VICTIM OF CYBERBULLING

Alexander V. Rudenko, Julia A. Chich

Kuban State University

Abstract. The relevance of this topic is caused by the increase in crimes in the digital environment. At the same time, it is important to note that the science of criminology and law enforcement practice need to develop a methodology for the type of cases under investigation.

Target. An attempt has been made to study the identity of the victim of cyberbullying as an element of the criminalistic characteristics of harassment using information and telecommunications networks in order to conduct an effective investigation. The article examines the structural elements of the personality of the victim of cyberbullying, the prerequisites for the formation of sacrificial behavior, which may subsequently be relevant to the criminalistic characteristics of the victim of the crime.

Investigative actions have procedural and criminalistic grounds when searching for criminals and victims of cyberbullying, therefore, flexibility and/or behavioral opposition complicates the process of establishing the circumstances of a criminal event. While the manifestation of an alternative identity in real life is often considered a subject of psychiatric interest, in a virtual environment this is considered the norm and does not indicate a mental disorder.

Keywords: criminal personality, criminal behavior, victim's personality structure, cyberbullying, digital means of communication, bullying, cyber victim, virtual personality.

Введение.

Личность жертвы представляет собой разновидность личности в целом. Как отмечал Ю.М. Антонян, «личность – социальное качество

человека, характеризующееся наличием сознания, речи и способностью к деятельности» [1, 74]. Формирование личности – процесс, неразрывно связанный с социальным взаимодействием. Человек не является личностью с момента рождения, а

становится ею в ходе общения и взаимодействия с окружающими, что силлогически приводит нас к тому, что развитие личности вне общества невозможно. Аналогичным образом, жертвенное поведение является приобретенным элементом личности, так как оно формируется в результате негативного влияния окружающей среды на нравственное развитие личности. Личность жертвы, не исключение.

Обсуждение.

Исследование особенностей личности потерпевшего при кибербуллинге возможно с применением достижений кибервиктимологии, опирающейся на фундаментальные принципы диалектической теории познания [3]. Эти принципы включают несколько ключевых методологических постулатов:

– признание виртуального мира и формирующейся в нем цифровой реальности как познаваемых феноменов, представляющих собой неотъемлемую часть существования современного человека, адаптирующегося к киберпространству (*Homo Cyberus*);

– отсутствие априорной этической оценки виртуальной виктимности, что позволяет рассматривать ее как нейтральное явление;

– потенциальная кибервиктимность широкого спектра субъектов, включая цифровые сущности, физических лиц (независимо от их предрасположенности к виктимизации) и юридические лица;

– тесная взаимосвязь кибервиктимности с различными социальными процессами, в том числе с теми, которые обычно воспринимаются позитивно (например, цифровизация общества, технологический прогресс, развитие телекоммуникаций);

– динамический подход к изучению виктимологически значимых явлений, учитывающий их развитие в контексте прошлого, настоящего и будущего [4, с. 94].

Изложенные методологические принципы позволяют сформировать комплексный подход к исследованию феномена кибервиктимности, учитывая его многогранность и динамичность в контексте быстро развивающегося цифрового общества.

Методологический фундамент кибервиктимологии можно рассматривать как интеграцию двух взаимодополняющих исследовательских подходов:

Первый подход – ретроспективный. В соответствии с данным подходом, проводится изучение и документирование уже свершившихся случаев виктимизации в цифровой среде посредством фокусировки на сборе и систематизации фактических данных о произошедших инцидентах, создавая эмпирическую базу для дальнейших исследований.

Второй подход – перспективный (прогностический). Данный метод направлен на идентификацию потенциальных рисков и предпосылок кибервиктимизации. Он стремится выявить ранние признаки и факторы, которые могут привести к виктимизации в будущем, позволяя разрабатывать превентивные меры [5, с.2].

В контексте этих подходов, концепция кибержертвы, предложенная Д.В. Жмуровым, приобретает особое значение. Согласно его определению, кибержертва — это субъект (индивид, группа или организация), пострадавший от противоправных действий, совершенных преимущественно в цифровом пространстве. Ключевые характеристики кибержертвы включают:

– нанесение ущерба через манипуляции с цифровой идентичностью или посредством негативных онлайн-взаимодействий;

– виктимизация, происходящая в виртуальной среде компьютерных сетей;

– проявление поведенческих паттернов в онлайн-пространстве, которые могут существенно отличаться от поведения в реальной жизни [5, с.2].

Такой комплексный подход к изучению кибервиктимности позволяет не только анализировать текущие тенденции, но и разрабатывать стратегии по предотвращению будущих инцидентов, учитывая уникальные аспекты цифровой среды и ее влияние на поведение пользователей.

Исходя из изложенного, можно сформулировать понятие «жертва» (потерпевший) [8, с.54] в контексте кибербуллинга как лица, подвергнутого систематическому преследованию, оскорблениям или запугиванию через цифровые платформы, такие как социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-средства коммуникации. Ущерб причиняется посредством нападок на цифровую идентичность жертвы или её репутацию в виртуальной среде. Поведение кибержертвы в ответ на кибербуллинг может существенно отличаться от её действий в оффлайн-реальности, проявляясь в форме избегания, замкнутости или других несвойственных ей реакций.

При производстве допроса такой личности, следователь (дознатель) должен заранее качественно подготовиться, поскольку «вторая личность» может оказаться максимально не контактной.

Обычно, такие жертвы характеризуются высоким уровнем доброжелательности, нейротизма и экстраверсии, а также открытостью к опыту [13, с. 11]. Однако сравнение профилей жертв и агрессоров показывает больше сходства, чем различий: жертвы кибербуллинга так же, как и агрессоры, проявляют неэффективность в решении конфликтов, низкий уровень толерантности и сопоставимый уровень эмпатии [11, с. 62]. В конфликтных ситуациях жертвы могут легко сменять роли, становясь агрессорами, или сочетать обе роли одновременно [12]. Несмотря на характерную сочетаемость несочетаемых процессуальных статусов личностей преступника и жертвы кибербуллинга, мы полагаем, что тактические приемы будут схожие в зависимости от конфликтной или бесконфликтной ситуаций.

Наблюдается сходство в показателях коммуникабельности, конфликтности, самооценки и агрессивности между жертвами и их преследователями. Существующие классификации жертв кибербуллинга часто основаны на классической виктимологии и не всегда учитывают важные особенности пострадавших. Поэтому целесообразно пересмотреть и дополнить эти классификации, учитывая характер ответных реакций жертв на действия агрессора. По этому признаку выделяются две основные группы и ряд подгрупп [7, с. 47]:

- вовлеченная жертва — поддерживает какие-либо связи с агрессором;
- агрессивная — отвечает враждебным поведением (нападение, месть).
- избегающая — уклоняется от контактов с агрессором (блокировка, удаление профиля).
- компромиссная — пытается разрешить конфликт через диалог.
- протекционная — защищает свои интересы, обращаясь за помощью к окружающим (родителям, друзьям, администрации соцсетей).
- субмиссивная — смиряется с конфликтом, не сопротивляясь.
- аутоинкриминирующая — возлагает вину на себя и меняет собственное поведение.

2) невовлеченная жертва, характеризующаяся отстраненностью от агрессора и самой ситуации онлайн-травли – данный тип жертвы не

проявляет значимой ответной реакции на агрессивные действия. В рамках этой категории, выделяются две подгруппы: игнорирующие и дереализационные жертвы.

Первая подгруппа намеренно не обращает внимания на действия агрессора. Они сознательно отказываются от какого-либо взаимодействия с буллером, тем самым нивелируя его попытки коммуникации и провокации.

Представители второй подгруппы воспринимают ситуацию кибербуллинга как нереальную или несущественную и, исходя из этого, рассматривают происходящее как нечто отдаленное от их реальной жизни, словно это выдуманный сценарий, не имеющий отношения к действительности.

Результаты.

На основе проведенных психологических исследований были выявлены следующие основные категории пользователей, демонстрирующих виктимное поведение в социальных сетях:

1) Активный тип виктимного поведения. Пользователи данного типа часто оказываются в проблематичных ситуациях из-за своего агрессивного или провокационного поведения. Они могут намеренно создавать конфликты или распространять спорный контент. Интернет для них – это прежде всего площадка для самовыражения и реализации своего потенциала.

2) Активный тип виктимного поведения со склонностью к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Такие пользователи могут неосознанно провоцировать опасные ситуации, например, публикуя личную информацию или вступая в рискованные контакты с незнакомцами в сети.

3) Инициативный тип с гиперсоциальным виктимным поведением склонен вмешиваться в онлайн-конфликты, даже если они изначально не являются их участниками. Помимо этого, они отличаются высокой эмпатией, принципиальностью и нетерпимостью к нарушению правил.

4) Пассивный тип. Пользователи пассивного типа часто демонстрируют зависимое поведение и склонность к беспомощности. Ощущая недостаток поддержки в реальной жизни, они ищут ее в виртуальных сообществах и легко становятся жертвами, не оказывая сопротивления потенциальным обидчикам.

5) Некритический тип виктимного поведения. К этой группе относятся пользователи, склонные идеализировать других и оправдывать негативное поведение. Они часто проявляют наивность и неосмотрительность в онлайн-

общении, что делает их уязвимыми для манипуляций [9].

Понимание этих типов поведения может помочь в разработке более эффективных стратегий профилактики кибербуллинга и защиты уязвимых пользователей в цифровой среде.

В зависимости от направленности влияния жертвы на активность правонарушителя выделяются следующие типы:

1) нейтральная жертва – не провоцирует и не способствует преступлениям против себя, не создает виктимогенных условий;

2) побуждающая жертва – провоцирует своим поведением или же мотивирует нарушителя к дискриминационным действиям, демонстрируя подстрекательское поведение;

3) аккомодирующая жертва – создает благоприятные условия для преступления из-за чрезмерной доверчивости, не критичности или уязвимости (например, пожилой возраст, психические расстройства);

4) противодействующая жертва – пытается избежать виктимизации, проявляя подозрительность и оппозиционность, однако тем самым приводит к злоупотреблениям в свою сторону со стороны агрессора.

Кроме того, исследования показывают, что социально-экономический статус семьи играет существенную роль в определении уязвимости ребенка к школьной травле. В частности, В. С. Собкин и М. М. Смыслов обнаружили четкую корреляцию между материальным благосостоянием семьи и вероятностью того, что подросток станет жертвой буллинга [10, с. 47]. Согласно их наблюдениям, дети из семей с высоким уровнем дохода, как правило, чувствуют себя более комфортно в школьной среде и менее подвержены риску стать объектами травли. Напротив, учащиеся из менее обеспеченных семей чаще сталкиваются с негативным отношением со стороны сверстников и оказываются в группе риска по виктимизации [10, с. 47]. На наш взгляд, указанная тенденция подчеркивает, что экономическое неравенство может проецироваться на социальные взаимодействия в школе, создавая дополнительные факторы уязвимости для детей из менее

привилегированных слоев общества. Такая ситуация указывает на необходимость разработки комплексных мер по предотвращению буллинга, учитывающих не только поведенческие, но и социально-экономические аспекты проблемы.

Однако криминалистический интерес сводится к получению объективной информации о жертве с целью перемещения этой информации в информационную модель следственной ситуации. При этом стоит отметить особенности бихевиоризма потерпевших кибербуллинга. Их поведение в онлайн-среде часто радикально отличается от их офлайн-поведения. В интернете они могут демонстрировать чрезмерную активность, нарушать правила или проявлять несдержанность, ощущая анонимность. Это указывает на то, что существование человека в цифровом пространстве существенно меняет его на онтологическом, антропологическом, социальном и ценностном уровнях [2].

Заключение.

Таким образом, говоря о жертве кибербуллинга, мы имеем дело с индивидом, чье мышление и действия в виртуальной среде значительно отличаются от реальной жизни. Это ключевой аспект соотношения сетевой и реальной идентичности. Сетевая идентичность более гибкая, предоставляет больше поведенческих стратегий и создает иллюзию безнаказанности.

Производство следственных действий имеет под собой процессуальные и криминалистические основания при поиске преступников и жертв кибербуллинга, следовательно, гибкость и/или поведенческая противоположность затрудняет процесс установления обстоятельств преступного события.

В то время как проявление альтернативной идентичности в реальной жизни часто рассматривается как предмет психиатрического интереса, в виртуальной среде это считается нормой и не указывает на психическое расстройство.

При производстве расследования кибербуллинга следственная ситуация будет иметь динамичный характер, поскольку личность кибержертвы зачастую дуальна, а также отсутствует устойчивая методика расследования в данном направлении.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 448 с.
2. Беляев Д.А. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека // *Logos et Praxis*. 2012. № 3.
3. Жмуров Д. В. Кибервиктимность как новая категория виктимологии постмодерна // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2021. № 2. С. 113-122.
4. Жмуров Д. В. Методы кибервиктимологии // III Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям: сборник статей, Екатеринбург, 15 сентября 2023 г. / ООО «Институт цифровой экономики и права». – Екатеринбург, 2023. – С. 94-96.
5. Жмуров Д.В. Кибервиктимология. Методы и метрика // *Baikal Research Journal*. – 2022. – Т. 13, № 1. – Р. 1-29.
6. Жмуров Д. В. Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. – 2021. – № 2(97). – С. 45-56.
7. Жмуров Д.В. Жертвы кибербуллинга: состояние проблемы // *Российский следователь*. 2023. № 1. С. 54.
8. Солидарны с позицией синонимичности понятий «кибержертва», «жертва киберпреступления», «киберпотерпевший». Изложенные термины, *de facto*, описывают одно и то же явление – человека, который пострадал от преступных действий, осуществленных с использованием высокотехнологичных информационных систем и ресурсов. – Жмуров Д. В. Там же. С. 54
9. Сафуанов Ф. С., Докучаева Н. В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // *Психология и право*. 2015. Т. 5, № 4. С. 80-93.
10. Собкин В. С., Смыслов М. М. Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов // *Электронный сборник. Социология образования. Труды по социологии образования*. М., 2012. С. 47.
11. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Калинина К.Р. Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения // *Познание и переживание*. 2022. Т. 3. № 1. С. 46 - 71.
12. Стукало И.С., Дроздикова-Зарипова А.Р. Психологические особенности младших подростков в ситуации кибербуллинга // *Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: мат. Междунар. науч.-практич. конф. "XV Левитовские чтения": сб. науч. ст.: в 3 т. Т. 3 / члены редколлегии: Т.Н. Мельников, В.К. Виттенбек, А.С. Москвина [и др.]; отв. ред. Т.С. Комарова. М.: Перо, 2020. С. 725 - 731.*
13. Alonso C., Romero E. Aggressors and victims in bullying and cyberbullying: a study of personality profiles using the five-factor model // *The Spanish Journal of Psychology*. – 2017. – Vol. 20. – e76. – P. 1 - 14.

References:

1. Antonyan Yu.M. *Criminology. Selected lectures*. M., 2004. 448 p.
2. Belyaev D.A. *Virtual net-being post(over)human being* // *Logos et Praxis*. 2012. No. 3.
3. Zhmurov D. V. *Cybervictimity as a new category of postmodern victimology* // *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2021. No. 2. pp. 113-122.
4. Zhmurov D. V. *Methods of cybervictimology* // III International Scientific Conference on Interdisciplinary Research: collection of articles, Yekaterinburg, September 15, 2023 / Institute of Digital Economics and Law LLC. – Yekaterinburg, 2023. – pp. 94-96.
5. Zhmurov D.V. *Cybervictimology. Methods and metrics* // *Baikal Research Journal*. – 2022. – Vol. 13, No. 1. – P. 1-29.
6. Zhmurov D. V. *Cybererty: solving the problem of terminological uncertainty* // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2021. – № 2(97). – Pp. 45-56.
7. Zhmurov D.V. *Victims of cyberbullying: the state of the problem* // *Russian investigator*. 2023. No. 1. pp. 45-50.
8. We agree with the position of synonymy of the concepts "cyber victim", "victim of cybercrime", "cyber survivor". The above terms, *de facto*, describe the same phenomenon – a person who has suffered from criminal acts, about suffered from criminal acts carried out using high-tech information systems and resources. – Zhmurov D. V. *Ibid.*, p. 54.
9. Safuanov F. S., Dokuchaeva N. V. *Personality characteristics of victims of unlawful attacks on the Internet* // *Psychology and law*. 2015. Vol. 5, No. 4. pp. 80-93.
10. Sobkin V. S., Smyslov M. M. *Victims of school bullying: the influence of social factors* // *Electronic collection. Sociology of education. Proceedings on the sociology of education*. M., 2012. p. 47.

11. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Kalinina K.R. *Psychological characteristics of participants in the cyberbullying situation: analysis of online role-playing behavior // Cognition and experience. 2022. Vol. 3. No. 1. pp.46-71.*

12. Stukalo I.S., Drozdikova-Zaripova A.R. *Psychological features of younger adolescents in the situation of cyberbullying // Actual problems of theory and practice of psychological, psychological, pedagogical and pedagogical research: mat. International Scientific and Practical conference "XV Levitical readings": collection of scientific articles: in 3 vols. 3 / members of the editorial board: T.N. Melnikov, V.K. Wittenbeck, A.S. Moskvina [et al.]; ed. by T.S. Komarova. M.: Pero, 2020. pp. 725-731*

13. Alonso C., Romero E. *Aggressors and victims in bullying and cyberbullying: a study of personality profiles using the five-factor model // The Spanish Journal of Psychology. – 2017. – Vol. 20. – e76. – P. 1 – 14*

Информация об авторах:

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, e-mail: rudenkoalex@mail.ru

Чич Юлия Азметовна, преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, rudenko@mail.ru

Alexander V. Rudenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of Kuban State University.

Julia A. Chich, Lecturer at the Department of Criminology and Legal Informatics of Kuban State University.